

Перешагнуть порог эпох

Николай М. Карамзин и его позиция зачинателя

Иво Поспишил (Брно, Чешская Республика)

Key Words

Karamzin and literary currents, to cross the threshold of epochs, synthesis of various types of poetics: Baroque, roccoco, neoclassicism, sentimentalism, preromanticism

Ключевые слова

Карамзин и литературные направления, перешагнуть порог эпох, синтез разных поэтик: барокко, рококо, классицизм, сентиментализм, преромантизм

Summary

To Cross the Threshold Of Epochs. Nicolai M. Karamzin and His Position of Initiator

The author of the present article reflects upon the poetological impulses of N. M. Karamzin which he connects with the specific features of the development of artistic currents in the 18-19-century Russian literature. Karamzin concentrated in his work the elements of poetics of various currents including not only sentimentalism and preromanticism, but also fragments of baroque, roccoco, and neoclassicism. The strength of poetological impulses is associated with the hypothesis about the permeation of genetic presupposition with foreign roots with several famous and most influential Russian authors (Karamzin himself, Zhukovsky, Pushkin, Lermontov, Gogol, Senkovsky, Dal, Dostoevsky, Veltman others). Through his creation Karamzin crossed the threshold of epochs.

Резюме

Автор настоящей статьи задумывается над поэтологическими импульсами Н. М. Карамзина, которые связывает со спецификой развития художественных направлений в русской литературе XVIII-XIX веков. Карамзин соединил в своем творчестве элементы поэтик самых разных направлений, включая не только сентиментализм и преромантизм, но и фрагменты барокко, рококо и классицизма. Силу поэтологических импульсов автор связывает и с гипотезой о переплетении разного рода генетических предпосылок у ряда ключевых русских писателей с иностранными корнями (сам Карамзин, Жуковский,

Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Сенковский, Даль, Достоевский, Вельтман и др.). Карамзин своим творчеством перешагнул порог эпох.

Сначала мне казалось, что по-новому может бросить свет на личность Карамзина концепция *России и Европы* Т. Г. Масарика, но, в конце концов, я пришел к выводу, что о Карамзине он пишет в своем опусе магнум даже до обидного мало. Карамзин для него отдаленное лицо, классик, которого можно лишь читать и творчество которого можно продолжить. Карамзин - историческое лицо, его можно лишь читать; он приводит пример *Бедной Лизы* и Радищева как пример русского самоубийства. Масарик, однако, как и Лотман (см. далее), умно заметил его обожание Робеспьера как ключевого феномена Французской революции, к которому он постоянно возвращался, как к лакмусовой бумаге, его общественных взглядов, силы самодержавия, в котором крепостное право представляет собой меньшую опасность, чем свобода, провозглашенная в неподходящий момент. В эпоху Александра Первого появились замечательные интеллектуалы, как, например, Шевырев, Шишков, Погодин, сам Карамзин. Греч, Булгарин, барон Брамбеус (Осип Сенковский) представляются ему марионетками, но в этом он не прав, так как они сыграли свою незаменимую роль. Карамзин – поверхностный поклонник Канта, см. его визит к Канту в Кенигсберге, описанный в «Письмах». Таким образом Карамзин воспринимался в прошлом, но следы этого подхода частично сохраняются и в настоящем. Аксиома его огромного значения сочетается как бы с автоматической характеристикой его концепции России и Европы, обычно укладываемой в русло отношений к отдельным этапам Французской революции и к ее видным представителям. Схема положительного и позже будто бы отрицательного отношения к постулатам революции связывает его с реформами Александра Первого и с работой над «Историей государства российского». Сам Масарик обращается к карамзинским высказываниям о том, что крепостное право менее опасно, чем декларация свободы в неподходящее время.

Можно сказать, что такой схематический подход нарушается только в последние десятилетия, но еще не полностью.¹ Проблема Карамзина состоит в том, что его творчество, его концепции, его историография, культуроведческие подходы и

---

¹ См. Н. Эйдельман: Последний летописец. Книга, Москва 1983.

литературное творчество перешагнули порог эпох, но не радикально, скорее в рамках преемственности. Связь России и Европы, изложенная, например, в «Письмах русского путешественника», содержит ряд мнимых противоречий, связанных с известным русским методом переключения: Россия - отсталая страна, но она может избежать катаклизмов Запада в том виде, как он их видел летом 1789 г. в революционном Париже. Таким образом он отличался от одномерных концепций обожания допетровской Руси или более радикального либерализма, который продолжал жить в России скорее подспудной жизнью на всем протяжении XIX и начала XX века.² Карамзин имплицитно предвосхитил этот метод в «Письмах» и варьировал до конца своих дней, выделяя время от времени ту или другую сторону.

Карамзин перешагнул порог эпох не только в философии истории и в концепции российского развития, но, главным образом в литературе. Его позицию можно поместить между двумя полюсами – статьей Бориса Эйхенбаума и исследованием Юрия Лотмана.

Излюбленной темой русских формалистов была русская литература XVIII века, мастерская еще неготовых артефактов, для изучения которых технологические приемы формальной школы были выгодны и адекватны. Для формалистов были типичными анализы не периферийных явлений, а скорее классики, т. е. общепризнанных явлений, по существу хрестоматийных, какими были Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Лев Толстой, а также Сервантес или Стерн, творчество которых они показывали по-другому, с особых точек зрения. Когда Эйхенбаум проходил через этап философствования, русского духоведения, вдохновленного немецким *Geisteswissenschaft*, он воспринимал этих авторов как явления духовной культуры. Такой является его статья о Державине (1916), в которой автор приходит к выводу, что для него поэзия была еще целостной, не знающей дуальности света и тьмы, любви и смерти, в таком виде, как с этим можно встретиться у Жуковского, Тютчева или Тургенева. Еще характернее его статья о Карамзине, восходящая к тому же самому году. Ключевой проблемой являются его философские сомнения о цельности человека, проблемы души и тела, особенно в «Письмах русского путешественника». Отсюда вытекает связь души и природы в конфессии «Моя исповедь» (1802), на самом деле повесть написана в форме автобиографического письма, в котором мир понимается как хаотичная, беспорядочная

---

² См. Josef Šaur: Boris Nikolajevič Čičerin o ruských dějinách (Státní škola jako historiografický a společenský fenomén). Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, Brno 2015.

игра.³ Интересно то, что для Эйхенбаума его философские статьи сменяются формальной технологией, но в конце 20-х гг. он снова возвращается к более широкому концепту культуры в рамках литературного быта.

У Юрия Лотмана⁴ карамзинская идея сильной власти связана с неверием в человека, со скепсисом; тем не менее, он интенсивно черпал все свои знания и литературные опыты из западноевропейских образцов, о чем свидетельствуют «Письма», но чем сильнее он опирался на традицию, тем интенсивнее он изобретал новые формы, слова, подходы. Таким образом, он стал и зачинателем не только новой литературы, но и модели русской оригинальности, которая встречается почти у всех великих авторов в смысле пре-пост эффекта, т. е. преобразования поэтологических импульсов в якобы простейшие, более примитивные формы, прокладывающие, однако, новые «боковые» пути, «шаги в сторону», в новые пока еще закрытые окна. 30-е годы XVIII века связаны в Центральной и Восточной Европе с концом барокко, в Англии с началом поэтического сентиментализма. Карамзин не мог отказаться от конца барочной эпохи, хотя бы в философской мысли (спор тела и души), но преодолевал ее посредством классицизма, поисков нового поэтологического порядка, кодекса, который одновременно нарушается преромантическими веяниями.

Проблема литературных направлений в общем и в России в особенности интересовала меня со студенческих лет, когда я написал статью о поэтологической грани сентиментализма и преромантизма. Хотя мы будем придерживаться традиционной эволюционной модели, нельзя игнорировать факт, что разные явления поэтики каким-то подспудным течением обнаруживаются в самые неожиданные моменты; XVIII век в русской литературе может служить наглядным примером. Не будем далее развешивать прошлые, когда-то нашумевшие полемики о парадигмах развития русской литературы,

---

³ См. I. Pospíšil – M. Zelenka: René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno 1996, первая глава Na křižovatce: René Wellek a některé genetické a typologické souvislosti literární vědy 20. a 30. let. 13) R. Wellek: The Two Traditions of Czech Literature, in: R. W.: Essays on Czech Literature. The Hague 1963, с. 30. Первоначально in: Slavic Studies, ed. by A. Kaun and E. J. Simmons (Ithaca, N. Y., Cornell University Press 1943), с. 213-228. Ejchenbaum, B.: Сквозь литературу. Сборник статей. Academia, Ленинград 1924. Nebel, H. Jr.: N. M. Karamzin: a Russian Sentimentalist. The Hague and Paris 1967. Rothe, H.: N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans. Bad Homburg, Berlin und Zürich 1968. U. Brinkjost: Geschichte und Geschichten. Ästhetischer und historiographischer Diskurs bei N. M. Karamzin. Verlag Oto Sagner, München 2000. G. Sauberer: Die Syntax der „Pi'sma russkogo putešestvennika“ von N. M. Karamzin. Verlag Otto Sagner, München 1999.

⁴ См. Ю. Лотман: Поэзия Карамзина. In: Н. М. Карамзин: Полное собрание стихотворений. Москва - Ленинград 1966, с. 5-52.

например, о концепции Вадима Кожина, что все в 18 веке укладывается в русло русского Возрождения, т. е. и сам ренессанс, может быть, и следы маньеризма, разумеется, барокко, рококо, классицизм, сентиментализм и преромантизм вплоть до настоящего романтизма, но также разного рода аномалии, которые вызывают сомнения, нужно ли сохранить хронологию развития литературных направлений в смысле их линейного чередования. Шекспира обычно считают ренессансным автором елизаветинской Англии, но его зрелое творчество носит скорее барочный характер («Гамлет», «Отелло») и, парадоксально, его поздние сказочно-фантастические пьесы «Буря» (The Tempest, 1610-1611) и «Зимняя сказка» (впервые издано в 1623), имеют отдельные черты поэтики рококо. Он, следовательно, более, чем зачастую думается, предвосхитил линию английского барокко, называемого в Англии, скорее, метафизической поэзией. В русском XVIII веке можно наблюдать явление намного парадоксальнее: например, у Р. Г. Державина речь идет о классицизме, вначале связанном с ренессансным титанизмом, позже как бы возвращается из глубины поэтика рококо, интерьер, частный быт («Евгению. Жизнь званская», 1807), что предвосхищает подобные явления в поэтике раннего Пушкина и его плеяды. Иначе говоря, поэтика не замкнута рамками литературных направлений, они разомкнуты, открыты разного рода веяниям, в особенности в русской литературе. Так что В. Кожин был прав, когда в своей концепции сдвигов в развитии русской литературы XIX века говорил о барокко у Н. В. Гоголя, сентиментализме у Ф. М. Достоевского или романтизме у славянофилов и почвенников. Романтизм, например, живет посредством некоторых своих элементов и сейчас, в форме подспудных веяний пережил натиск реализма, возобновляется в неоромантизме, модернизме, даже в соцреализме (в русской прозе известная ось – А. Грин – К. Паустовский), присутствует и в постмодернизме, против которого, однако, организует заговор массовой литературы бестселлеров, генетически связанных с преромантическими веяниями, с готическим романом, с roman noir, Schauerroman и т. д.

Карамзин формировал преддверие романтизма, не покидая поэтологическую почву сентиментализма как отдельного этапа преромантического движения; однако благодаря ему русский романтизм у В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова, связанный с проникновением в глубину человеческих переживаний, появляется приблизительно в то же самое время, как, например, в Англии (W. Wordsworth, S. T. Coleridge: Lyrical Ballads, 1798).

Лакмусовой бумагой движений „поверх барьеров“ является, главным образом, именно поэзия Н. М. Карамзина. Там можно встретиться с дидактическими поэмами типа «Поэзия» (1787), с альбомами, с поэтическими посланиями предромантического периода, с классицистской сатирой («Дурной вкус») и, одновременно, со стихотворением «Берег» (1802), связанным с потусторонней жизнью. Сравнительно большой объем поэтики поэзии Карамзина демонстрирует его способность перешагнуть пороги разных эпох и соединить их в одну цельную ткань, без резких поворотов, в мягком ключе. Это, однако, вообще не значит, что эволюционная парадигма теряет свой смысл как схематичное, вспомогательное орудие познания отдельных шагов, сдвигов в поэтике литературного артефакта.

Карамзин не мог резко дифференцировать, противопоставлять одно направление другому, он связывал их воедино, как это умели делать только в Восточной, реже в Центральной Европе; можно вспомнить Григория Сковороду, которого русские считают своим философом, а украинцы своим поэтом. Он, таким образом, продолжает путь мягкой модели развития, скорее интегративного типа, как об этом в свое время писал Николай Бердяев в «Смысле истории», как о религиозном возрождении, и чешский философ Бржетислав Горына, занимающийся ранним немецким романтизмом - романтикой, о мягком романтизме, который интегрировал и просветительские и классицистские идеи и принципы, но не мог выжить вне немецких университетов, и был подавлен динамическим, сильным и противоречивым, бунтующим романтизмом. Карамзин, связывающий все как-то воедино, вносит в русскую среду модель постепенного развития, мягкой интеграции и трансформации, которая идет по другим линиям развития, создавшим чудо русской литературной классики. Это касается и его восприятия и культивирования сентименталистской поэтики. Он не был в этом отношении первым русским сентименталистом, но он интегрировал разные пути и в своих «Письмах», и в некоторых повестях 90-х гг. 18 века открывала новые темы, хотя бы намеками, в том числе инцест, трагизм жизни, перипетии человеческого переживания, в конце концов и боль истории как осознанной необходимости. Он стал – среди других – русским первооткрывателем поэтики ежедневности, обыкновенности («Записки старого московского жителя», «Путешествие вокруг Москвы», «Нежность дружбы в низком состоянии» и др.). Его колебание между эмпиризмом и скептическим рационализмом отсылает к будущему: таким образом воспринимал дихотомию развития литературы Рене Уэллек, когда писал об английской и чешской литературах – даже,

кажется, в русской литературе есть такой более скрытый, скрытный, подспудный спор, который ведется как раз с начала XIX века, с карамзинского периода. Оба литературных учителя Пушкина – Батюшков и Жуковский принадлежат именно к этим полярным типам.

Интересно и то, что русскую литературу в ее мастерской XVIII века формировали люди с иностранными корнями: об отце и сыне Эминых нет надобности говорить, но были и Василий Андреевич Жуковский, Николай Михайлович Карамзин и Александр Сергеевич Пушкин, завершившие окончательное образование русского литературного языка, языка поэзии, структуры и жанровых форм и ее направленности, но с известными оговорками в смысле вышесказанного в духе пре-пост эффекта, т. е. формирования русской литературы во всей ее противоречивости и инновативной стратегии, огромное количество приемов, шагов, линий развития и поэтических феноменов, не случайно. Турецкое происхождение со стороны матери Жуковского Сальхи общеизвестно, Карамзины происходят из татарского дворянства, от имени Кара Мурза (черный мурза, персидское мирза учитель, урядник, вышестоящий чиновник), Пушкин со стороны матери или абиссинец или, как некоторые утверждают, нигерийский негр; в XIX веке в стержневые моменты появляются люди разного рода иностранного происхождения, не только польско-украинский Гоголь, шотландец Лермонтов, литовский татарин Достоевский, но и шведы (Вельтман, его отец Велдман жил в Ревале, т. е. Таллинне), датчане (Даль, уроженец Луганска, его отец – обрусевший датчанин Johann Christian Dahl – принял к концу XVIII века русское подданство), не говоря о поляках, как, например, Осип Сенковский или Фадей Булгарин - все они были зачинателями разных литературных форм и даже политических идеологий, в том числе Булгарин своими рассуждениями о русском третьем сословии, его антиаристократическое направление и т. д.).

Карамзин ввел в русскую литературу модель проникновения в традицию, к потоку преемственности, мягких начал новых эпох; он перешагнул в новую эпоху, которая принесла русской литературе большие достижения и всеобщий восторг. Однако к вершине она пришла только по ступенькам, выстроенным предшественниками, среди которых Карамзин сделал решительный и решающий шаг.

Избранная используемая литература

Brinkjost, U.: Geschichte und Geschichten. Ästhetischer und historiographischer Diskurs bei N. M. Karamzin. Verlag Oto Sagner, München 2000.

Эйдельман, Н.: Последний летописец. „Книга“, Москва 1983.

Эйхенбаум, Б.: Сквозь литературу. Сборник статей. „Academia“, Ленинград 1924.

Horyna, B.: Dějiny rané romantiky: Fichte, Schlegel, Novalis. Vyšehrad, Praha 2005.

Кожин, В.: К социологии русской литературы XVIII - XIX веков (К проблеме литературных направлений). In: Литература и социология. Художественная литература, Москва 1977, с. 137-177.

Лотман, Ю.: Поэзия Карамзина. In: Н. М. Карамзин: Полное собрание стихотворений. Москва – Ленинград 1966, с. 5-52.

Nebel, H. Jr.: N. M. Karamzin: a Russian Sentimentalist. The Hague and Paris 1967.

Pospíšil, I.: Život protopopa Avvakuma a Karamzinovy Dopisy ruského cestovatele jako uzlové body ve vývoji ruského románu. In: Litteraria Humanitas V - Západ a Východ II, Tradice a současnost (Literární směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa). Masarykova univerzita, Brno 1998, s. 85-109.

Pospíšil, I. – Zelenka, M.: René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno 1996.

Rothe, H.: N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans. Bad Homburg, Berlin und Zürich 1968.

Sauberer, G.: Die Syntax der „Pí'sma ruského putěšestvenníka“ von N. M. Karamzin. Verlag Otto Sagner, München 1999.

Šaur, J.: Boris Nikolajevič Čičerin o ruských dějinách (Státní škola jako historiografický a společenský fenomén). Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, Brno 2015.

Wellek, R.: The Two Traditions of Czech Literature, in: R. W.: Essays on Czech Literature. The Hague 1963.